

Абузар БАГИРОВ,
писатель, доктор филологии,
доцент Университета МГИМО МИД РФ

ПОЭТ ПЕРЕЛОМНОЙ ЭПОХИ

История - особа загадочная и непредсказуемая. Она развивается по своим абсолютно самостоятельным и никому не ведомым законам, нередко вопреки желаниям миллионов людей и целых народов. Кто же в ней главный распорядитель: случайности или закономерности? Над этой разгадкой великие умы ломали голову не одно тысячелетие. Как бы там ни было, ясно одно: время нельзя прокрутить назад, невозможно исправить прошлое...

В истории большинства народов мира XIX век, несомненно, стал судьбоносным по причине расставания с феодальным прошлым и перехода на другой уровень общественно-политических и морально-культурных ценностей. В этом плане исторические судьбы азербайджанских тюрок не исключение. В

указанное столетие Азербайджан, прощаясь с патриархально-феодальными устоями, бурными темпами осваивал новую общественную формацию – промышленно-капиталистический строй.

В 1828 году разделение Азербайджана со стороны Российской и Персидской империй на Северный и Южный Азербайджан окончательно уничтожило тысячелетнюю государственность азербайджанских тюрок. Эти трагические события повернули ход истории народа совершенно в другое русло и послужили мощным толчком к формированию нового мировоззрения нации. Проявилась тенденция к коренному изменению и обновлению во всех сферах общественно-культурной жизни, в том числе в литературе.

В азербайджанской литературе XIX века по традиции богатой многовековой классической поэзии и фольклора продолжали создаваться значимые художественные произведения, при этом обретался новый эстетический опыт. Азербайджанская литература названного столетия с точки зрения её содержания, особенностей путей развития, типологии литературных родов и жанров, стилевой и языковой специфики представляет собой **уникальный симбиоз старого и нового, возвышенного и реалистического, лирического и сатирического, классического и современного.** Этот феномен с уверенностью можно отнести в разряд редких явлений истории мировой литературы.

Великий поэт этой переломной эпохи, тонкий лирик, яркий представитель азербайджанской реалистической поэзии, мастер сатирических произведений, дидактических аллегорий и басен Гасым бек Закир Али бек оглы Джаваншир родился в 1784 году в городе Шуше. Он происходил из знатного карабах-

ского рода Джаванширов. Родным братом его прадеда Гусейнали аги доводится основатель литературной и музыкальной Мекки Азербайджана – города Шуши Панах хан. Будущий поэт получил начальное образование в местном медресе, где овладел арабским и персидским языками, глубоко изучил восточную и азербайджанскую классическую литературу и фольклор. Закир жил в основном в селении Хындырыстан, подаренном ему правителем Карабаха Мехтигулу ханом.

Из-за своих острых сатирических памфлетов поэт имел немало недругов среди азербайджанской знати того времени. В результате интриг влиятельных недоброжелателей Закир и его семья подвергались преследованиям со стороны царских властей. Его сын Наджафгулу бек и племянник Искандер бек были сосланы в Сибирь. Самого же поэта арестовали, год продержали в Шуше, а затем сослали в Баку, где при помощи своих друзей М.Ф.Ахундова, М.П.Кулебакина, И.Куткашынлы и И.Орбелиани он был реабилитирован, вернулся в Шушу и прожил там до конца жизни (1857) под негласным надзором полиции.

Литературное творчество Гасым бека Закира началось со стихов в стиле ашугской поэзии, продолживших и развивших классическую художественную традицию. Закир вносил в лирику внутреннюю нюансировку, акцентировал высокие нравственные ценности, обогащал эмоциональную гамму, описывая светлую печаль и тоску разлуки. **Любовная лирика Закира развивается по восходящей линии и носит социальную смысловую нагрузку. В закировской лирике мотив любви к родной земле превалирует над темой любви к избраннице сердца**, красавице.

В первой половине XIX века в азербайджанской литературе формировалось и развивалось совершенно новое для нее направление – сатирическая поэзия. Развитие и широкое распространение сатирического стихотворного жанра было не случайным, а связано с переломным периодом в общественно-политической и социальной жизни страны. Нравственные противоречия между

местными привилегированными классами и широкими народными массами, обострение национально-культурной отчужденности создавали благоприятные условия для появления и развития сатирического течения в поэзии. Сатирическое творчество Закира характеризуется широтой тематического содержания, художественной проблематики, объектов критики и смеха. Разоблачения, критика и ирония сатиры поэта были направлены против царских чиновников и царизма вообще, колониальных порядков, произвола ханов и беков. Поэт ревностно защищал права слабых и угнетённых. Мишенью социальной сатиры Закира служили также раскольники исламской религии, сводящие веру к простому формальному отправлению ритуалов, принижающие мораль и философию ислама до уровня догм и предрассудков, духовенство, шариатские судьи, ханжи и мздоимцы. **Сатира Закира бичевала не социальный строй в целом, а отдельные социальные пороки, беспощадно критикуя их носителей. Этический реализм сатиры поэта был далёк от максимализма и при всей резкости и пережёлтах служил духовной эволюции и постепенному реформированию социального строя. Закировская сатира вовсе не ограничивалась только критикой привилегированных классов и слоёв, а была направлена против недостатков, присущих природе человека вообще**, по этой причине при необходимости он критиковал крестьян и неимущих, или же защищал беков и богачей, если их права попирались. В его сатире сопрягается личностное и социальное, характеристика индивидуума и общества. Большинство его стихотворений автобиографичны, атмосфера и канва их взяты из реальной жизни и составляют мозаику социального бытия; в них поимённо предстают доморощенные чинуши разных мастей и рангов, национальные деятели и представители царской администрации родного поэту Карабаха. Но конкретика образов не мешает им подниматься до уровня художественного обобщения – показатель блестящего поэтического гения великого Гасым бека Закира.

Лирические и сатирические стихи Закира ещё при жизни автора широко распространялись не только в его родном Карабахе и в целом в Азербайджане, но и по всему Ближнему и Среднему Востоку, Средней Азии. Многие его газели и гошмы исполнялись на народных торжествах певцами и ашугами Карабаха, Ширвана, Южного Азербайджана и Туркестана.

Поэтическое наследие Закира публиковалось после его смерти в сборниках Мирзы Юсифа Нерсесова «Сводный диван Вагифа и других современников» (Темирханшура, 1856), Адольфа Берже - «Стихи поэтов Азербайджана» (Лейпциг, 1867), Мухаммедаги Муджтехидзаде - «Сад влюблённых» (Стамбул, 1910), Мир Мохсуна Навваба - «Рассказы Навваба» (Баку, 1913) и др. Первая отдельная книга стихов Закира была издана в 1925 году в Баку под заглавием «Гасым бек Закир» известным учёным и фольклористом Салманом Мумтазом (1884-1937). Впоследствии увидели свет более десяти изданий произведений Закира, представившие наследие поэта в полном объёме.

Творческое наследие Гасым бека Закира в советское время переводилось на русский язык талантливыми переводчиками в достаточно широком объёме и издано в сборниках и отдельно: «Антология азербайджанской поэзии», «Художественная литература» (Москва, 1939); «Антология азербайджанской поэзии» в 3-х томах, «Художественная литература» (Москва, 1960); «Закир. Избранное» («Азербайджан», Баку, 1971) и др.

В целом поэтическое творчество Гасым бека Закира занимает уникальное место в истории азербайджанской просветительско-реалистической поэзии первой половины XIX столетия и является своеобразным морально-духовным посланием будущему. Именно Закиру принадлежат величайшие заслуги в пробуждении национального общественного сознания и духовного возрождения в становлении просветительской сатиры, кристаллизация азербайджанского литературного языка. ■

Литература

1. Антология азербайджанской поэзии. Под ред. В.А.Луговского и Самеда Вургуня. Москва, Государственное издательство художественной литературы, 1939, 426с.
2. Антология азербайджанской поэзии, в 3 томах. Т. 2, 327 с. Под ред. П.Антокольского и Ч.Гусейнова. Москва, Гослитиздат, 1960.
3. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi, üç cildə. II cild, 906 s. Bakı, Azərbaycan Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1960.
4. Поэты Азербайджана. Вступит. статья и подготовка текста А.М.Болдырева и А.П.Векилова, биографические справки и примечания А.П.Векилова, редакция стихотворных переводов В.Шефнера. Ленинград, Советский писатель, 1970, 710с.
5. К.Закир. Избранное. Составл., предисловие и комментарии доктора филологических наук Аббаса Заманова, перевод Абрама Плавника. Баку, Азербайджанское государственное издательство, Баку, 1971, 230с.
6. Feyzulla Qasimzadə. XIX əsr Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. Bakı, Maarif, 1974, 490 s.
7. В.Л.Величко. Кавказь. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку, Элм, 1990, 223с.
8. Азада Рустамова, Бекир Набиев, Яшар Караев. Азербайджанская литература (краткий очерк для азербайджанской диаспоры). Баку, Элм, 2005, 453с.
9. Послания будущему – фольклор и литературные памятники Азербайджана (обзорная статья академика НАНА Б.А.Набиева, чл.-корр.НАНА Т.А.Керимли, составление, биографические справки и комментарии А.М.Багирова). Москва, Художественная литература, 2011, 725с.

The article sums up the main aspects of the works of the 19th century outstanding poet and satirist of Azerbaijan, Gasim bey Zakir, the role his works have played in the social and cultural life of the time, and in the history of Azerbaijani literature.

ГОШМЫ

Задержите на час полёт в высоте,
Поглядите на скорбь мою, журавли.
Вы куда и откуда стремите полёт,
В облаках величаво трубя, журавли?

Здесь, под вами, чернеет разрушенный кров!
Пролетайте над ним, как тень облаков!
Вы летите над гнёздами ястребов,
Сберегите в пути себя, журавли!

Я, живя на чужбине, надежду таю;
День и ночь я о родине слёзы лью.
Я, как вы, чужестранец в чужом краю,
Вдаль я вас провожаю, скорбя, журавли!

Я люблю её пастбища, водную гладь,
Хоть бы раз мне лицо её увидеть!
Может, вы мне хотите о ней рассказать
Шумом крыл и наклоном шей, журавли?

Я Закир! Мне огонь пожирает грудь,
Передайте мне весть иль хоть что-нибудь!
И сердца, вас ведущие в дальний путь,
Пусть не будут грудой камней, журавли!

Перевод Владимира Державина

О боже, что ж ты столь жесток,
Что стал влюблённых разлучать?
Ужель ты не боишься, бог,
Что будут плачем докучать?

Я в путях сам тебя молю,
Что муки адовы терплю...
Из чёрных локонов петлю
Я не пытаюсь с шеи снять!

В разлуке – каждый, кто влюблён,
Землёю будет полонён.
Но знак подай, что это он
Из гроба, чтоб его узнать!

Я умер к милой на пути.
Её рыдать – не допусти!
Мой труп с пути её снести
Молю познавших благодать!

Ни славы, ни величья нет!
Не сыщешь прошлого примет!
Бутонам уст принёс обет
Закир в разлуке умирать!

Перевод Ольги Ивинской

ГАЗЕЛИ

Как нарцисс, твой взгляд срываю я,
сорвав, хмелею нынче,
Стать бы мне твоей ресницей,
да мечтать не смею нынче!

Нынче нет толпы в мечети.
С богомольцами другими
Перед дугами-бровями я благоговею нынче.

Кудри чёрные змеятся
по божественным ланитам –
Я гляжу и поражаюсь:
как смиренны змеи нынче!

Как бровей твоих изломы
кривду мне напоминают!
Но зрачки под ними –
правда, от неё немею нынче!

Красоту твою увидев, головой поникла роза,
Загрустил самшит, пригнулся, –
он не всех прямее нынче!

Сердце ранено навеки,
навсегда любовь со мною,
В Судный день с ней не расстанусь,
не расстанусь с нею нынче!

Я берёг, лелеял душу –
чтоб к ногам любимой бросить!
Ты не верь тому, кто скажет:
«Стал Закир беднее нынче».

Перевод Дмитрия Виноградова

Тяжесть времени сгибает
неизменно, постепенно,
Я для стрел судьбы жестокой
стал мишенью постепенно.

Опыт жизни говорил мне:
не гордись. А я не слушал,
Ну, а время не стояло,
шло движенье постепенно.

И хотя я не был трусом
и храбрее был Рустама.
Годы горя приводили
к пораженью постепенно.

И теперь не по душе мне —
отчего, и сам не знаю —
Звуки флейт, и охладел я даже
к пенью постепенно.

Охладел я и к веселью,
и вино мне стало горьким,
И печаль меня сжигает
тайным жженьем постепенно.

Выпадают мои зубы,
рот — подобие развалин.
Обесмыслилось значенье
всех свершений постепенно.

Ах, как ты меня любила,
как была нежна со мною,
Только вижу, охладело твоё
рвенье постепенно.

Связь с пустопорожним
миром обрывай, Закир, скорее
И спускайся по ступеням,
по ступеням постепенно.

МУСТЕЗАД

Любимая с утра войти в цветник решила,
И все цветы в смятенье,
Поцарствовать над алостью гвоздик решила,
И росы пролиты в смятенье.
Все лепестки осыпать в миг решила —
И дети красоты в смятенье.
Что соловей! Умолкни, птичий клик, — решила,
И птицы — с высоты, в смятенье.
Приблизиться к шипам, мой сердолик, решила,
И роз кусты в смятенье.
Так даже с солнцем можешь ты тягаться,
Светильник мой.
Фиалки были веселы, теперь томятся,
Стоит нарцисс немой.
Все танцовщицы с ритма сбились в танце —
Затмила их собой.
Из губ кувшина как вину не проливаться,
Коль очерк губ увидел твой?
В кровь обратить напиток ты решила —
И нет саги спасенья.
Схожу с ума, волос кольцеобразных
Дрожанье увидав.
Кто закуёт меня, удержит властно,
Тот будет прав.
Я как Меджнун. Болею я опасно,
Коль средь цветов и трав
Её встречаю, вижу облик ясный,
С ней рядом став.
Чтоб тайн её я не постиг, — решила, —
Хоть падай на колени.
В разлуке с этой женщиною солнцеликой
Я умираю.
И весь я почернел, в тоске великой

Дошёл до края.
Как груз любви нести безропотно, без вскрика
Один я знаю.
Несчастный, я захлестнут болью дикой,
И оттого рыдаю,
Что довести тебя, старик, решила
До белого каленья!

ТЕРКИББЕНД

Не будет порядка в пределах страны,
Где все, как безумные, влюблены.
Жесток падишах — значит, в благостном крае
Любовь и веселье омрачены.
Душа моя, ты ничего не добилась
От той, что сверкает подобьем луны.
Печаль расставания с милой моею
Меня подкосила — стал тоньше струны.
Я слаб потому, что надежда на встречу
Слаба. Дни разлуки, как ночи, темны.
Одно остаётся — пурпурные вина —
Пить вина, чтоб я не погиб без вина,
Так лей, виночерпий, и так уже сплетни
Меня обступают, как страшные сны.
Прошу, подружи меня с полною чашей,
Не дай обессилеть, да будем дружны.
В день Судный лежать бы мне с винною бочкой,
Не видеть ни ангела, ни сатаны.
Не надо мне утренней свежести, также
Вечерние тяготы мне не нужны.
В день Судный поднять головы не желаю,
И так онемею, что со стороны
Узнают меня — не как прежде бывало —
Не по личине, а по бокалу!

Перевод Абрама Плавника

САТИРА

О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЧИНОВНИКАХ

Люди топчутся на месте –
впереди темным-темно,
Много лет уже промчалось,
но нигде порядка нет.

Пусть имам Сахиб нагрянёт, наставления прочтёт,
Знаю я, народ-страдалец не избавится от бед.

Развелись воры повсюду, увели у нас они
И быка и буйволицу – и воров простыл уж след.

Не пророк я среди народа.
Если явится пророк,
Все, как Шимр, пророка встретят,
проклянёт он белый свет.

Раньше вор от всех скрывался,
стал он ангелом теперь.
Пострадавшего клеймит он:
«Пред судьёй держи ответ!»

Кто людей посмел бы грабить,
если б власть была сильна
И сказала б вору: «Хватит!
Ты приносишь людям вред!»

Видит бог: из Карабаха скот угнал плешивый вор,
И прислал тот вор плешивый из Зардаба нам привет.

Все свалили б на пришьельца,
если б он явился к нам, —
Нет пришьельца:
вор-разбойник на груди у нас согрет.

Абазар у нас с Мигдадом
правоверными сльвут, —
На базаре на Шушинском
в душу к ним мой взор проник.

Покупателя аршином одурачивает сын,
А заметит покупатель — продавец поднимет крик.

Нет к Каабе уваженья, нету совести у них,
Все мошенники, и воры, и ворчливы, как арык.

С виду все благочестивы, а в душе гюрза-змея,
Все в шелках и ходят важно, бородой украшен лик.

Коль Аму-Дарью в чернила,
лес в каламы превратишь,
Написать о них, быть может,
ты сумеешь сотни книг.

К господам и власть имущим обращался я не раз,
Был я зол, неосторожен, и подвёл меня язык.

Приказал бы языку я — помолчи, иль ласков будь.
Что же делать — горя много и молчать я не привык.

Слёзы льются, нет конца им,
а правитель что ни день
Всё законы сочиняет.
Толка нет в них — грех велик.

А законы те убийцам избавление несут,
Сироту закон не греет, — от закона горя жди!

Ты к служаке постучался —
от беды спасенья ждёшь,
Жив покуда ты, он скажет:
«Завтра, милый, приходи».

Покажи ему ты деньги — разрешатся все дела;
Если беден, денег нету, ты к служаке не ходи.

Ох, и фокусник служака — в мире всех перехитрит.
И мошенника второго нелегко, поверь, найти.

Воровато смотрят глазки у служаки на людей.
Что там — сердце или камень бьётся у него в груди?

Много горя, груз тяжёлый,
кто протянет руку нам?
Подари нам, бог,
терпенье иль со смертью к нам приди.

О Закир! Сатирой в жизни много нажил ты врагов,
Бойся – станешь поговоркой и заблудишься в пути.

Перевод Чингиза Гусейнова

БАСНИ

ЛИСА И ВОЛК

С утра до ночи, с ночи до утра
Лиса в лесу, поджара и стара,
Искала пищу. Близ селенья вдруг
Увидела Лиса: лежит курдюк.
Но старая почуяла обман, —
Она в траве заметила капкан,

Решила хитрая Лиса уйти
И повернула прочь. Меж тем в пути

Ей повстречался Волк. — Ах, ваша честь,
Воскликнула Лиса, — вам пища есть

Отличная. Курдюк. Большой кусок.
Я провожу... Волк почесал висок,

Увидев мясо: — Не пойму, хоть режь,
Зачем сама такой курдюк не ешь?

Лиса так отвечала на вопрос: —
Я в прошлом часто нарушала пост,

Теперь стараюсь пост держать верней...
Волк не дослушал — вот уж сколько дней

Не ел, — рванулся, увидав еду, —
И щёлкнуло в траве, как на беду,

В капкан попался Волк, метаться стал,
Но крепко лапу прищемила сталь.

Волк начал выть. Рывок. Ещё рывок.
Потом смирился, обессилел Волк.

Лиса, увидев, что ему — каюк,
Приблизилась и стала есть курдюк.

Вцепилась, и клыками щёлк да щёлк.
Ты что же, — ей сказал печальный Волк, —

Нарушила свой пост? Лиса в ответ:
— Ах, ваша честь, греха в том, право, нет.

Когда восходит полная луна,
Я новолуние праздновать должна.

Вот потому-то я и ем курдюк.
Тут серый, обессиленный от мук,

Поверив ей, спросил: — Когда ж черед
Для праздника для моего придёт?

— Ваш праздник, ваша честь, придёт, когда
С ружьем охотник явится сюда!

Тот, кто не глуп, в ком есть рассудок, пусть
Заучит эту басню наизусть.

Купальщик, чтобы не было беды,
Измерь ты прежде глубину воды;

Сперва подумай, чтобы вышел толк,
Не то ты будешь в западне, как Волк;

А лисам будет житься, как в раю —
Свою еду съедят, да и твою!

ЛЕВ, ВОЛК И ШАКАЛ

Я в книжке отличную басню читал
О том, как однажды и Волк, и Шакал
А какое-то время дружили со Львом,
Охотились, ели и пили втроём.
Случилось, три дня и три ночи подряд
Охота у них выходила не в лад.
Но вот напоследок нашла эта бражка
Ягнёночка,
Курочку
И барашка.

Лев Волка позвал, прорычал ему так:
— Дели их меж нами!
Но Волк был дурак.
Сказал он:

— Правитель зверей, сам господь
Уже разделил в небесах эту плоть:
Барашка — тебе, ведь барашек в цене,
Шакалу же — курочку,
Ягнёночка — мне.

Тут Лев разозлился, и думал недолго,
И лапой огрел несмышлёного Волка,
Да так размахнулся рассерженный Лев,
Что Волк от пощёчины сразу ослеп.

Лев рявкнул Шакалу:
— Начни-ка делёж,
Шакал, потому, что мне ждать невтерпеж.

Я слышал, что ты в этом деле ловкач.
Шакал засмеялся, и смех был, как плач;
— О да, повелитель, имею я опыт,
Ты зря наш делёж поручил недотёпе.
Добычу я так разделю, что меня,
Клянусь, не забудешь до судного дня;
Барашка — оставим тебе на обед.
Ягнёнка — на ужин,
Ещё мой совет,
Чтоб курочку скушал ты завтра с утра;
Да будет всевышняя воля щедра!

Тут Лев усмехнулся:
— Ты, впрямь, погляжу
Ловкач. Кто учил тебя дележу?
Промолвил Шакал:
— Я об этом не думал,
Да братец ослепший меня надоумил!..
Когда твой владыка
День ночью зовёт,
Воскликни, что в россыпях звёзд небосвод.
Когда твой владыка
Днём ночь назовёт,
Поддакни:
— Как здорово солнце печёт!

Перевод Абрама Плавника